

Иннокентий Анненский

Лаодамия

Иннокентий Федорович Анненский

Лаодамия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819075

Аннотация

«Трагедия Лаодамии взята нами из античной версии мифа о жене, которая не могла пережить свидания с мертвым мужем.

Один из любимых мотивов римской лирики и трогательное украшение саркофагов, эта сказка о фессалийской Леноре не считалась, однако, в древности богатой сценическими эффектами, и Еврипид со своим „Протесилаем“ был едва ли не единственный греческий трагик, которого она пленила. От „Протесилая“ уцелели скудные отрывки, и ученым не удалось до сих пор восстановить не только хода действия, но даже содержания этой трагедии...»

Содержание

Предисловие	4
Действующие лица	11
Действие первое	12
Явление первое	15
Явление второе	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Иннокентий
Федорович Анненский**
Лаодамия
Лирическая трагедия в 4 действиях
с музыкальными антрактами

Dum careo veris, gaudia falsa juvant.
Ovidius.¹

Посвящается сыну

Предисловие

Трагедия Лаодамии взята нами из античной версии мифа о жене, которая не могла пережить свидания с мертвым мужем.

Один из любимых мотивов римской лирики и трогательное украшение саркофагов, эта сказка о фессалийской Леконе не считалась, однако, в древности богатой сценическими эффектами, и Еврипид со своим «Протесилаем» был едва ли не единственный греческий трагик, которого она пле-

нила. От «Протесилая» уцелели скудные отрывки, и ученым не удалось до сих пор восстановить не только хода действия, но даже содержания этой трагедии.

Мужа Лаодамии звали Иолай, он был сыном Ификла, царил в Фессалии, над городом Филакой, и был убит на троянском берегу, куда ступил первым.

Протесилай стало его прозвищем, и этим словом отмечалось его первенство. Дома он оставил, по словам Гомера, «едва заведенное хозяйство» (δομοσ ημιτλησ, В. 701, cf. lat. domum inceptam frustra)².

Беглый след мифа о Протесилае в каталоге кораблей стал зерном Еврипидовой трагедии, но поэт со свойственной ему чуткостью к легендам страдания перенес ее центр с погибшего героя на его погибающую жену.

Пафос и гибель Лаодамии в последующей литературе и у ваятелей стали, под влиянием Еврипида, почти исключительно центром художественного интереса. Только 23-й разговор «из царства мертвых» Лукиана рисует загробное желание Протесилая, обращенное к Плутону и Персефоне (Luc. op. ex recogn. Jacobitz, I, 177 sq), и там он – первый и главный.

У Еврипида Протесилай наавтра после свадьбы или даже прямо с брачного пира уходит в поход под Трою, но об этом, конечно, только передавалось в трагедии. Разгневанная прерванным браком, Афродита не дала Протесилаю и после его

² Расшифровку условных сокращений (авторских) вместе с переводом цитат и необходимыми пояснениями к ним см. в примечаниях.

геройской смерти разлюбить Лаодамию, и он вымолил себе у подземных богов три часа свидания со своей молодой женой. Действие происходит в Филаке, перед хором местных женщин, мужа которых ушли с Протесилаем, и это теснее сближало оркестру со сценой. Декорацию составлял фасад того дворца, где Лаодамия, дочь царя Акаста из Иолка, была новой и одинокой хозяйкой. Отпущенный из преисподней Протесилай появлялся и говорил на сцене, но, вероятно, не в виде загробной тени, как Клитемнестра «Евменид», а так, что жена могла принять его за живого человека. Когда из его слов, или, может быть, по миновании трех условных часов, Лаодамией становилось ясно, что возвращение Протесилая, а следовательно, и начало ее новой счастливой жизни – только обман, она закалывалась, или в порыве отчаяния, или покорная призыву мужа.

Вот остов содержания пьесы Еврипида, как устанавливается он в современной литературе предмета (см. особенно: Maximilian Meyer, *Hermes*, 1885. 20. В. *Der Protesilaos des Euripides* (SS. 101–143) и W. H. Roscher, *Lexikon* (s. v. *Laodamia*).

Он содержит зерно драмы, но мы еще не различаем в его чертах Еврипида.

В «Протесилае» несомненно были черты, которые трудно включить в намеченные рамки. В трагедии играл роль Акает, отец Лаодамии, и очень вероятно, по аналогии со старыми отцами в пьесах Еврипида, что роль эта так или иначе

соприкасалась с трагической смертью героини.

Позволю себе выписать по этому поводу несколько строчек из моего предисловия к переводу «Ипполита»: «Еще одна чисто еврипидовская черта в исходе „Ипполита“: этот поэт любит, разрешая драму, т. е. убивая, исцеляя и примиряя людей, оставлять в ней до конца одно разбитое сердце, на жертву тоске, которая уже не может пройти: таков у него Кадм „Вакханок“, таков старый Амфитрион, таков и Фесей. Буря утихла, трупы убраны, но безветренное море все еще тихо качает около берега черный остов разбитой барки» (Отд. отт. из Ж. М. Н. Пр. за 1902 г., стр. 85 сл.). Затем не подлежит никакому сомнению, что у Лаодамии (подобно Адмету «Алькесты» vv. 348–356) была портретная статуя ее мужа и что она не только любила своего «бездушного друга» (слова Еврипида), но, по-видимому, и защищала статую от людей, которые восставали против ее болезненно страстного отношения к восковому Протесилаю.

Кроме того, героиня Еврипида, действительно ли или только напоказ, но соединяла свой страстный культ Протесилая с вакхическими обрядами, может быть, в честь Диониса-Загрея, бога мертвых.

Наконец, способ и момент самоубийства Лаодамии остаются неразъясненными. Имели ли они какую-нибудь связь, и если имели, то какую именно, с восковым слепком Протесилая, мы не знаем. Один латинский мифограф-компилятор Гигин рассказывает (Nug. CIV), что Лаодамия бросилась в

костер, на котором Акает приказал сжечь ее воскового мужа. Остроумные соображения критики подорвали нашу веру в то, что компилятор точно передал содержание исхода Еврипидовой драмы. Но загадочными по-прежнему остаются слова Овидия (Rem, a. a. 723):

Si poles, et ceras remove. Quid imagine muta
Carperis? Hoc periit Laodamia modo.

Т. е.

Если можешь, удали и восковые портреты.
Зачем пленяться немym изображением?
Именно таким образом погибла Лаодамия.

От них еще далеко, конечно, до рассказа Гигина.

В новой литературе мне известна на сюжет «Протесилая» лишь трагедия Станислава Выспянского «Protesilas i Laodamia», напечатанная в 1899 г. в Кракове, в журнале «Przegląd polski».

Автор заставляет свою героиню заколоться после галлюцинации таинственного брака ее с Протесилаем. С большим художественным тактом польский поэт сделал героя безмолвным. Пьеса написана в эсхилловском стиле, вычурным архаизирующим языком; проза причудливо мешается в ней со стихами, а ремарки местами заглушают текст.

Теперь несколько слов *pro domo mea*.

У меня Лаодамия бросается в огонь. Я не хочу этим реабилитировать текст Гигина и вполне допускаю, что Овидий знал трагедию Еврипида лишь по пересказам, и, может быть, искаженным. Но смерть от вольного удара мечом кажется мне столь же мало соответствующей натуре Лаодамии, сколько характеру ее пафоса. Замечу при этом, что и для героинь Еврипида такая смерть не была обычной: Канаке прислали меч, а Поликсену закололи; нож не достиг Ифигении, и Электра не успела воспользоваться мечом Ореста.

Во всяком случае, Лаодамии более всего подобала огненная смерть, смерть жертвы; трагический жест Эвадны³ мог один соединить ее с мужем, хотя бы *in effigie*. Костер является у меня по ходу действия, и его вовсе не раскладывают, чтобы растопить восковую куклу. Может быть, так было и у Еврипида. Выходил ли на сцену Еврипида Гермес, как предположил Велькер? (*Die gr. Trag.* 2. Abt. 497.)

Если допустить, что боги, а за ними и Еврипид, дали Протесиалау трагедии реальное существование, то психопомп с его золотой тростью был бы, конечно, только сценическим балластом, тем более что Еврипида не стесняла никакая мифическая традиция.

В трагедии, которая следует, скептический и задумчивый Гермес-созерцатель не претендует быть ничем, кроме блед-

³ Жена Капанея, которая в трагедии Еврипида «Молящие» бросилась в костер у гроба своего мужа.

ного отражения своего классического собрата.

Если на богов Олимпа не распространяется закон эволюции, им суждено, по крайней мере, вырождаться.

И. А.

Действующие лица

В порядке их появления на сцену

Хор – девушки, жены и вдовы.

Лаодамия – дочь царя Акаста из Иолка в Фессалии и жена царя Иолая.

Кормилица ее – старуха.

Вестник.

Гермес.

Тень Протесилая (раньше Иолая).

Мальчик – раб.

Акаст – царь Иолка, отец Лаодамии.

Действие первое

Сцена представляет фасад царского дворца в Филаке (в Фессалии). На сцене никого. Раннее утро. Небо синее, но в облаках густо белых и разорванных. В воздухе осень. Перед домом большой стан с закрытой работой. У средних дверей золотая статуя Артемиды.

Женский хор за сценой.

Строфа 1

Мех на плечах,
Пламя в очах,
Где ты кружишь, менада?
Факел чадит,
Бубен гудит,
Сердцу любви не надо.

Звуки приближаются, изредка перебиваясь печальными и тяжелыми ударами бубна.

На оркестру спускается толпа женищин и девушек, старых и молодых. В одеждах мало нарядного и пестрого: преобладают серые и лиловые тона. Часть несет кувшины и после вступительной песни покидает оркестру. Образуют-

ся группы. Иные поднимаются на сцену и убирают цветами подножие статуи Артемиды.

В это время часть хора, одетая в короткие одежды и с киньями⁴ на головах, поет.

Антистрофа 1

Темен покой,
Дерзкой рукой
Ложе мое не смято,
И холодна
В полночь одна,
Тенью лежу объята.

Строфа 2

Невесты

Группа в белом сопровождает пение мимикой.

Пена волны
Моет челны,
Море, клубясь, золотится,
Парус дрожит,
Птица кружит,

⁴ Киньи – шапки меховые или кожаные.

Сердце мое – та птица.

Явление первое

Во время строфы второго мелоса из правых дверей дворца выходит старая кормилица, простоволосая и в коричневом. Она обменивается с женищинами приветом и подходит к краю сцены.

Хор молодых жен

Антистрофа 2

Простертые руки и лица обращены в сторону моря.

Спишь или нет,
Сладок ответ
Из серебристой дали.
Нежной игры
Тира ковры
Ночью напрасно ждали.

Кормилица

(к певшим)

Росу ланит Владычица морей
Вам, нежные невесты, пусть осушит,
Пусть факелы желанные скорей
Сперва зажжет она, потом потушит.

Сцена пляски женщин. На оркестру спускается хор вдов со спущенными вуалями, у иных волосы обрезаны, у других косы распущены и иногда, свешиваясь на лицо, заменяют откинутый вуаль.

Строфа 3

Не политы,
Вянут цветы.
Страшны голодные осы.
И завились
И развились
Даром тяжелые косы.

Явление второе

Из средних дверей во время пения этой строфы выходит Лаодамия. Она высокая и тонкая, с пышными белыми косами и в белом. В линиях и движениях что-то стыдливо-девическое. Розовые локти и тонкие белые пальцы без колец. Глаза карие с розоватым отблеском.

Знаки почтения и участия в хоре. Кормилица обращается к царице лицом. Лаодамия останавливается в дверях и кланяется хору. Во время пения следующей антистрофы она делает несколько шагов по сцене, и, по ее знаку, сопровождающие ее рабыни, открыв работу, начинают налаживать ткацкий станок.

Антистрофа 3

С дальних берегов
Мне жемчугов
В нитях не путать змеистых.
Не целовать,
Не миловать
Лады волос золотистых.

Пение, по-видимому, взволновало Лаодамию: она шла ра-

ботать, но остановилась и обращается то к небу, то к женщинам, простирая руки то вверх, то перед собою.

Лаодамия

Как парусов далекой синевы,
Не разогнать желанья полным словом,
Мне не дано утешить вас, увы!
Вы, бледные, и в сером, и в лиловом.

Пауза.

А как узнать – за ясной синевой,
Быть может, плач уж носится по стану...

(Тихо.)

В печальный хор с обритой головой
И я войду тогда, и тихо стану.
Но золотом еще горит игла,
За ней узор бежит гирляндой пестрой,
И даль небес передо мной светла,
Простите мне мою надежду, сестры.

(Отходит к работе и начинает быстро и ловко водить челноком над основой, мягко отстраняя рабынь.)

После минуты молчания Кормилица тихо подходит к ца-

рище и несколько мгновений смотрит на не поднимающую от работы глаз Лаодамию.

Кормилица

Пресветлая царица и дитя
Любимое, Лаодамия, здравствуй!

Лаодамия

(полнимая голову)

Кормилица... что ж? Новостей все нет?
Плывут они иль под стенами Трои
Раскинули шатры?.. А ведь сегодня
Четвертая луна свой круг заполнит,
С тех пор как царь уехал... бросив пир,
Невестою меня покинув думам...

Кормилица

О госпожа! Царицу от рабынь
Порою наш не отличает жребий.
Терпением повиты мы... Что делать!..
Но расскажи, что снилось тебе:
Глаза твои еще слезами полны.
Скажи: во сне ты плакала, дитя?

Лаодамия

Мне снился сон, кормилица, и солнцу
Я расскажу его... Ты знаешь: он
Не в первый раз мне грезится. Так странно —
Порвется нить, а сердце, как рабыня,
Уж новую мотает... и в один
На полотне узор свивает обе.
Я видела, что будто босиком
Я по траве иду... Такой Филака
Не видела, и в Иолке нет такой.
Густая и высокая, цветами
Лиловыми поросшая, она
Мне резала босые ноги. Свод
Над головой алел, как от пожара,
День или ночь, понять, на небесах —
Я не могла... И не было кругом
Ни дерева, ни птицы и ни тени...
Лишь человек высокий — кто он был,
Не знала я, — мне долго шлем свой тяжкий
На белые надеть старался косы
И путал их, взбивая... С головой
Я уходила в каску, было душно
И страшно мне, и кожей пахла медь.
Хотела я кричать, сопротивляться,
Но голоса не издавала грудь
И мягкие мои не гнулись руки,
И только слез горячие ручьи,
Когда проснулась я, со щек катились...

Кормилица

(после некоторой паузы)

Гадателя позвать бы... Только сон
Хорош, дитя... Ведь слезы – это к счастью.

Лаодамия

Нет, сердца дум гадателям нести
Я не хочу... Ты, бог, ты пламя утра,
Коль этот сон недоброе сулит,
Укрой его в немое лоно поля,
Иль голову утесу опали,
Или волну ударь в злаченный гребень,
Но сбереги мне Июлая... Нет
Защиты у меня и нет веселья
Без милой головы... и царский род
Я не могу одна продолжить, солнце,
Чтоб алтари богам он охранял,
Сердца жрецов пленяя жиром нежным.

(Несколько секунд молится молча, поднимая руки к солнцу, потом поворачивается, чтобы стать за работу.)

Гадателя не надо...

Кормилица

(несколько мгновений молча следит за работой Лаодамии)

и, рассматривая работу, покачивает головой)

Что за вид
Чудеснейший... И звезды, и луна,
И челноки какие-то, и птицы
На парусах... А это что ж? Одна
Лететь устала, видно... Иль на мачте
Ей не нашлось местечка?... Между волн
Она трепещет крыльями... Какая
Искусница... Ведь умудрит же бог....
Вот только птица-то зачем упала?

Лаодамия

(оставила работу и бродит глазами в небе, где в это время пролетают осенние птицы)

Зачем она упала?... Видно, так
Ей боги присудили... Иль никто
Там, думаешь, в лазурной выси, няня,
Летать и не устанет, и земли
Далекой Африканской всем достигнуть
Придется им?... А бури? Разве бурь,
Как на море, в эфире не бывает?
Вот, может быть, которая-нибудь
Так радостно пускалась в путь сегодня,
А завтра... Нет, сегодня даже ей
Подломит крылья ветер, или коршун
Из стаи вырвет жадный, и птенцов
Не выводить уж никогда голубке...

Пауза.

Лаодамия работает.

Лаодамия

Не выводить птенцов... А мне зачем
Ты сладкого залога не оставил,
Мой Иолай?..
Качай я колыбель,
Я повторять теперь могла бы имя
Любимое... И, слушая меня,
Уж люди бы вокруг не улыбались,
Что с куклой я или сама с собой
Все говорю.

Кормилица

Придет, Лаодамия,
Всему черед... Немало их потом
По именам ты назовешь... Пожалуй,
Придумывать наскучит имена...
Вот только бы Приамовой столицы
Им удалось разрушить стены... Мне
Рассказывал один купец фригийский,
Что боги им слагали их... Легко ль
Строение богов сровнять с землею?..

Да, дерзок род царей, и никому
Таких гребней для шлема непокорных
Не выбивал кузнец, мехи вздувая,
Сам золотой в своей пещере черной...

Лаодамия

(рассеянно слушая ее)

Как думаешь... меня он не забудет?
Другой жены себе он не возьмет?
Ведь дочери Приамовы уж, верно,
Не то что мы, лесные пташки, им
И нежные румяна шлет лидиец,
И золотые ткани, и духи.
Пожалуй, есть у них и зелье – сердце

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.